

18+

Мохаммед Джамаль Хаир

СЫН ВОЛЧИЦЫ

Приключенческая повесть

Мохаммед Хаир

**Сын волчицы.
Приключенческая повесть**

«Издательские решения»

Хаир М. Д.

Сын волчицы. Приключенческая повесть / М. Д. Хаир —
«Издательские решения»,

Мальчик, рождённый женщиной в глухом лесу, теряет мать в первые часы жизни. Его выкармливает волчица, воспитывает стая, учит мудрости сам лес. Став мостом между миром людей и миром зверей, он проходит путь от дикого ребёнка до Хранителя равновесия. Трогательная повесть о любви, жертвенности и поиске своего места в мире.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сын волчицы. Приключенческая повесть

Мохаммед Джамаль Хаир

© Мохаммед Джамаль Хаир, 2026

ISBN 978-5-0070-5283-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Лес не прощает слабости. Но и не отвергает тех, кто приходит к нему без оружия.

Той ночью луна висела низко, почти касаясь верхушек старых сосен. Её свет был холодным, серебристым, как слеза, застывшая на щеке неба. Ветер шевелил ветви, и они скрипели, словно старухи, перешёптывающиеся у костра о давно забытых временах. Где-то вдалеке выла волчица — протяжно, тоскливо, с такой болью, что даже звёзды, казалось, замерли, прислушиваясь.

Она бежала.

Её звали Серая. Так называли её старые волки стаи, потому что шерсть на её спине была светлее, чем у других, будто присыпанная пеплом костра, в котором сгорело что-то важное. Она была сильной — одной из лучших охотниц стаи. Её глаза видели в темноте так же ясно, как днём. Её лапы не оставляли следа на мокрой земле. Её голос мог собрать стаю за километры.

Но сегодня она бежала не за добычей.

Она бежала от смерти.

В её животе, под рёбрами, билось маленькое сердце. Оно было ещё слишком слабым, чтобы знать, что мир жесток. Оно билось ровно, доверчиво, как бьются сердца тех, кто ещё не видел крови. Серая чувствовала это биение каждую ночь, когда ложилась в своей норе под корнями старого дуба. Оно было её тайной, её радостью, её последней надеждой.

Потому что стая умирала.

Не от голода. Не от болезней. От людей.

Они приходили каждую зиму с ружьями, с собаками, с огнём. Они выжигали поляны, рубили деревья, ставили капканы. Старый вожак, мудрый одноглазый волк по имени Тихий, говорил молодым: «Люди — это звери, которые забыли, что они звери. Они думают, что лес им принадлежит. Но лес принадлежит только тем, кто умеет слушать его тишину.»

Тихого убили прошлой весной. Его тело нашли у реки, с перебитой лапой и пулей в боку. Он не убежал. Он стоял, прикрывая собой молодняк, пока его не настигла вторая пуля. Серая видела это из кустов. Она не могла помочь. Она была беременна, и инстинкт сильнее гордости — она бежала, прячась в оврагах, пока не стихли выстрелы.

После этого стая распалась. Кто ушёл на север, кто погиб в капканах, кто просто растворился в лесу, как туман на рассвете. Серая осталась одна.

И теперь она бежала, потому что чувствовала: время пришло.

Нора под дубом была уже не безопасна. Люди поставили капканы у старого муравейника, там, где она обычно охотилась. Она видела железные челюсти, полускрытые листьями, и знала: следующая ночь может стать последней.

Она бежала на юг. Туда, где лес был гуще, где деревья стояли так близко, что их ветви сплетались в зелёный свод, не пропускающий даже полуденное солнце. Туда, где люди бывали редко — только охотники-одиночки, да и те боялись заходить глубоко.

Боль в животе нарастала. Серая остановилась, упираясь лапами в мох. Она тяжело дышала, её бока вздымались. Маленькое сердце внутри билось быстрее, тревожнее, словно чувствуя, что мать устала.

— Ещё немного, — прошептала она. Не словами. Волки не говорят словами. Но она послала мысль, образ, чувство: тёплую нору, мягкий мох, тишину.

Малыш откликнулся лёгким толчком.

Она пошла дальше.

Луна провожала её, скользя между ветвями. Сова крикнула где-то справа — низко, отрывисто. Серая знала этот крик: «Опасно. Иди осторожно.» Она кивнула головой, хотя сова не могла её видеть. Лес был полон глаз, которые смотрели на неё. Не враждебно. С любопытством. С жалостью. С уважением.

Она была волчицей. Она принадлежала лесу. И лес знал это.

На рассвете она нашла место.

Это была поляна, окружённая со всех сторон вековыми елями. В центре поляны стоял огромный валун, поросший мхом и папоротником. Под валуном, между корнями, была небольшая пещера — не глубокая, но сухая, укрытая от ветра и дождя. Рядом журчал ручей, чистый, холодный, бегущий откуда-то из-под камней.

Серая обошла поляну три раза. Нюхала воздух. Слушала. Смотрела.

Тишина. Только пение птиц на рассвете. Только шум ручья. Только её собственное дыхание.

Она вошла в пещеру. Легла на мягкий мох. Свернулась клубком, прикрывая живот лапой.

И началась работа, которую знает каждая мать в мире — и волчица, и женщина, и птица, и рыба. Работа рождения.

Боль пришла волнами. Сначала слабой, как лёгкий ветерок. Потом сильнее. Серая кусала мох, чтобы не завывать. Выть было нельзя — звук мог привлечь внимание. Она терпела. Её тело знало, что делать. Тысячи поколений волчиц делали это до неё. Инстинкт вёл её, как река ведёт лодку — не спрашивая, хочет ли лодка плыть.

Первый щенок родился, когда солнце уже поднялось над верхушками елей. Маленький, слепой, мокрый. Серая облизала его, согрела дыханием. Он пискнул — тонко, жалобно. Она положила его к животу. Он нашёл молоко сам. Инстинкт.

Второй родился через час. Тоже щенок. Тоже живой.

Третий не выжил.

Серая чувствовала это ещё до того, как он появился на свет. Что-то внутри оборвалось. Тихо. Без боли. Просто — тишина. Малыш, который должен был родиться третьим, ушёл обратно в темноту, из которой пришёл. Серая не выла. Она знала: лес забирает своих, когда считает нужным. Она только прижала двух живых ближе к себе и закрыла глаза.

Она устала.

Так устала, что не чувствовала даже голода. А голод был настоящим — она не ела почти два дня, бежала без остановки. Но сейчас, когда щенки были здесь, тёплые, дышащие, пьющие её молоко, она могла позволить себе закрыть глаза.

Только на минуту.

Она закрыла глаза.

И не открыла их больше.

Смерть пришла тихо. Не как враг. Как старая знакомая, которая долго шла рядом и наконец догнала. Серая даже не почувствовала боли. Она почувствовала только, как тепло уходит из тела, перетекает в щенков, в мох, в землю. Как дыхание становится короче. Как сердце бьётся медленнее.

Последнее, что она увидела, закрывая глаза, был свет. Не солнечный. Другой. Тёплый. Золотистый. Он шёл откуда-то из глубины пещеры, из-под корней старого дуба, что рос над валуном. И в этом свете она увидела Тихого. Старого вожака. Он стоял, одноглазый, мудрый, и смотрел на неё с такой нежностью, что она захотела плакать. Но волки не плачут. Они только воют.

Она не выла.

Она просто уснула.

Щенки не поняли сразу. Они пили молоко, но его становилось всё меньше. Они пищали, толкались, искали тепло. Но мать не двигалась. Её тело остывало. Её дыхание остановилось.

Один из щенков — тот, что родился первым, более сильный — поднял голову. Он был ещё слепым, но чувствовал мир кожей, носом, ушами. Он почувствовал холод. Почувствовал тишину. Почувствовал, что чего-то важного больше нет.

Он пополз.

Медленно, неуклюже, падая на слабые лапки. Он пополз к выходу пещеры. К свету. К теплу.

За ним пополз второй.

Они вышли на поляну. Солнце было уже высоко. Оно грело камни, мох, траву. Щенки сбились в кучу у входа в пещеру, дрожа от холода и голода.

И тогда лес услышал их.

Первой пришла лиса. Рыжая, хитрая, осторожная. Она вышла из-за валуна, нюхая воздух. Увидела щенков. Остановилась. Волчата — это добыча. Лиса знает это. Лиса должна бежать от волков всю жизнь. Но эти были такими маленькими. Такими беззащитными. И матери не было рядом.

Лиса подошла ближе. Нюхнула. Понюхала воздух ещё раз. И поняла: волчицы нет. Она умерла.

Лиса села. Посмотрела на щенков. Они пищали, тянули к ней мордочки, думая, что она — мать.

Лиса не стала их есть.

Она не знала, почему. Может быть, потому что в лесу есть законы, которые старше голода. Может быть, потому что она сама недавно потеряла лисят — их задавила телега лесника. Может быть, потому что в этот момент солнце светило так тепло, что жестокость казалась невозможной.

Она легла рядом. Прижала щенков к себе. Согрела их своим телом.

Так началась история, которую лес рассказывал потом ещё сто лет.

История мальчика, которого родила женщина. Но воспитала волчица. А вырастил — сам лес.

Но это было потом.

А пока на поляне, под валуном, лежала мёртвая волчица. А рядом с ней — два живых щенка. И рыжая лиса, которая грела их своим телом, не зная, что один из этих щенков — не волк.

Один из них был человеком.

Мальчиком.

Сыном женщины, которая умерла, родив его в этом лесу, бежав от людей, бежав от войны, бежав от судьбы, которую не смогла изменить.

Но он был жив.

И лес принял его.

Не спрашивая, кто он. Не спрашивая, откуда. Не спрашивая, почему.

Лес просто принял.

Потому что лес — это не место. Лес — это решение. Решение жить. Решение дышать.
Решение быть частью чего-то большего, чем ты сам.

И мальчик стал частью леса.

Так началось его путешествие.

Путешествие, которое изменит всё.

Не только его жизнь.

Но и жизни тех, кто встретит его на пути.

— —

Продолжение следует...

ГЛАВА 2

Лес учил медленно. Но учил навсегда.

Первые дни мальчик не понимал ничего. Он был слишком мал, слишком слаб, слишком беспомощен. Его глаза не видели — они откроются только через две недели. Его уши слышали только смутные звуки. Его тело дрожало от холода, хотя лиса грела его своим мехом.

Но у него было то, чего не было у волчат. То, что дала ему мать-человек перед смертью. Не сила. Не скорость. Не острые зубы.

Память.

Не память ума. Память сердца. Память крови. Память той любви, с которой женщина несла его под сердцем, защищая от пуль, от холода, от отчаяния. Эта любовь осталась в нём, как семя в земле. Она не была видна. Но она была.

И лес почувствовал это.

На третий день пришла волчица.

Её звали Быстрая. Она была молодой, сильной, из другой стаи — той, что ушла на север. Но она вернулась. Не по своей воле. Её ранили — пуля задела лапу, и она отстала от своих. Бродила одна, слабая, голодная, ища убежище.

Она учуяла запах волчат. И смерти.

Быстрая подошла к пещере осторожно. Её зелёные глаза сканировали поляну. Она увидела лису. Увидела двух волчат. Увидела мёртвую Серую.

И увидела мальчика.

Он лежал отдельно, завернутый в остатки одежды матери — клочок ткани, который лиса стащила из-под тела волчицы. Мальчик плакал. Тихо, жалобно, как плачут все дети мира, когда им холодно и страшно.

Быстрая зарычала.

Это был не гнев. Это был вопрос. «Что это?»

Лиса не испугалась. Она поднялась, прикрывая собой мальчика. Не угрожающе. Просительно.

Быстрая подошла ближе. Нюхнула. И поняла.

Человек.

Маленький. Беззащитный. Один.

Волчица отступила. Её инстинкт кричал: «Убей! Человек — враг! Люди убивают волков! Убей первым!»

Но что-то остановило её.

Может быть, запах смерти, который висел над поляной. Может быть, тишина леса, который затаил дыхание. Может быть, взгляд лисы — не злой, не испуганный, а полный такой безнадёжной мольбы, что даже волчье сердце дрогнуло.

Быстрая села. Посмотрела на мальчика. Он плакал, протягивая к ней крошечные ручки. Не понимая, что она — хищник. Не понимая, что она может его убить.

Просто веря.

Волчица вздохнула. И сделала выбор.

Она подошла к мальчику. Нюхнула его. Аккуратно, очень аккуратно взяла зубами за шкуру — так, как волчицы носят своих щенков. Подняла.

И понесла в пещеру.

К волчатам.

Лиса последовала за ней. Села у входа. Смотрела.

Быстрая положила мальчика рядом с волчатами. Они сразу прижались к нему — тёплого, живому. Мальчик перестал плакать. Он почувствовал тепло. Почувствовал биение сердца рядом. Почувствовал... дом.

Волчица легла рядом. Прижала всех троих к себе.

Так у мальчика появились две матери.

Одна — мёртвая волчица, что лежала у стены пещеры. Другая — живая, Быстрая, что грела его своим телом.

И одна лиса, что охраняла вход.

Лес одобрил это решение. Ветер зашумел в ветвях, как аплодисменты. Птицы запели громче. Даже ручей зазвучал веселее.

Потому что лес любит тех, кто выбирает жизнь. Даже когда инстинкт кричит об обратном.

Мальчик рос.

Не так, как растут человеческие дети. Не в тепле, не в безопасности, не с колыбельными песнями.

Он рос так, как растёт дерево в лесу — борясь за каждый луч солнца, за каждую каплю дождя, за каждый глоток воздуха.

Его глаза открылись на десятый день. Он увидел мир размытым, нечётким. Но он увидел. Увидел зелёные глаза волчицы. Увидел рыжий мех лисы. Увидел серые морды волчат.

И улыбнулся.

Первая улыбка в лесу.

Быстрая не поняла, что это. Но почувствовала. Что-то тёплое разлилось в её груди. Что-то, что заставило её лизнуть мальчика в лоб — аккуратно, шершавым языком.

Так началась их жизнь.

Мальчик не знал, что он человек. Он думал, что он волк. Ну, почти волк — просто без шерсти и с какими-то странными конечностями.

Он учился у всех.

У Быстрой — охотиться. Сначала просто наблюдать, как она выслеживает добычу. Как замирает, сливаясь с тенями. Как рассчитывает каждый прыжок. Как убивает быстро, без мучений.

У лисы — хитрости. Как обходить капканы. Как находить пищу там, где другие не видят. Как прятаться так, что даже ветер не найдёт.

У волчат — игре. Как бороться, не причиняя боли. Как рычать, не пугая. Как быть частью стаи.

Но больше всего он учился у леса.

Лес говорил с ним. Не словами. Звуками. Запахами. Ощущениями.

Когда было опасно, лес предупреждал. Птицы замолкали. Ветер стихал. Даже насекомые переставали стрекотать.

Когда было безопасно, лес пел. Птицы щебетали. Листья шелестели. Ручей журчал.

Мальчик слушал. Запоминал. Понимал.

Его тело менялось. Кожа грубела, покрываясь тонким слоем грязи и мха — естественной бронёй. Ноги укреплялись от постоянного бега по неровной земле. Руки становились ловкими, способными лазать по деревьям, как обезьяна.

Но главное — менялся его разум.

Он не думал, как человек. Он чувствовал, как зверь.

Когда он голодал, он не жаловался. Он искал пищу. Когда он мёрз, он не плакал. Он искал убежище. Когда он уставал, он не останавливался. Он находил силы идти дальше.

Потому что лес не прощает слабости.

Но и не оставляет тех, кто старается.

Первый настоящий урок мальчик получил, когда ему исполнилось три года.

Он уже бегал на четвереньках так же быстро, как волчата. Уже умел лазать по деревьям. Уже понимал язык леса.

Но он ещё не понимал смерти.

В тот день Быстрая привела его к ручью. Не играть. Учить.

Она показала ему рыбу. Маленькую, серебристую, которая металась в мелководье, пытаясь спастись.

Быстрая застыла. Не двигалась. Только глаза следили за рыбой.

Мальчик повторил её позу. Затаил дыхание.

И вдруг — прыжок!

Быстрая ударила лапой по воде. Рыба была поймана. Мгновение — и волчица разжала пасть. Рыба лежала на камне, задыхаясь, пытаясь вернуться в воду.

Быстрая посмотрела на мальчика.

Он понял.

Подошёл к рыбе. Посмотрел на неё. Рыба смотрела обратно. Её глаза были полны ужаса.

Мальчик почувствовал что-то странное. Жалость? Сомнение? Страх?

Он поднял голову на Быструю.

Волчица не двигалась. Не помогала. Не приказывала.

Она просто ждала.

Мальчик посмотрел на рыбу ещё раз. И понял.

Если он не убьёт её, она умрёт медленной, мучительной смертью — задохнётся на берегу. Если он убьёт её быстро — она не почувствует боли.

Это был выбор.

Не между добром и злом. Между милосердием и жестокостью.

Мальчик взял камень. Аккуратно, очень аккуратно ударил рыбу. Один раз. Точно.

Рыба перестала двигаться.

Мальчик поднял голову. Быстрая смотрела на него с... гордостью? Да, волки тоже чувствуют гордость.

Она подошла. Лизнула его в лоб.

И они поели вместе.

Это был первый урок мудрости, который лес дал мальчику.

Убивать — не зло. Зло — причинять страдания.

Если ты должен убить — убивай быстро. Без ненависти. Без радости. С уважением к жизни, которую забираешь.

И благодари лес за пищу.

Мальчик запомнил это.

На всю жизнь.

Но лес давал не только уроки выживания.

Он давал и уроки любви.

Однажды, когда мальчику было четыре года, в лесу началась буря.

Не обычная. Настоящая. Ветер вырывал деревья с корнями. Молнии били в землю, поджигая сухую траву. Дождь лил стеной, не давая дышать.

Быстрая загнала всех в пещеру. Волчат, лису, мальчика.

Они сидели, прижавшись друг к другу, слушая, как снаружи бушует стихия.

Волчата дрожали. Лиса скулила.

Мальчик не дрожал.

Он чувствовал страх. Да. Но он чувствовал и что-то ещё.

Ответственность.

Он был самым старшим из детёнышей. Самым сильным. Самым... человеческим?

Мальчик обнял волчат. Прижал их к себе. Начал напевать.

Не песню. У него не было слов. Просто звук. Низкий, ровный, успокаивающий.

Так матери убаюкивают детей.

Волчата затихли. Лиса перестала скулить. Даже Быстрая, которая лежала у входа, обернулась и посмотрела на мальчика с удивлением.

Откуда он это знает?

Мальчик не знал. Он просто чувствовал, что должен сделать. Что кто-то должен утешить маленьких. Должен дать им понять: они не одни.

Буря длилась всю ночь.

Всю ночь мальчик пел. Убаюкивал. Защищал.

А на рассвете, когда буря утихла, Быстрая подошла к нему.

И сделала то, что волки делают только с вожаками.

Она склонилась перед ним. Не полностью. Чуть-чуть. Чуть опустила голову. Чуть отвела взгляд.

Знак уважения.

Мальчик не понял этого. Но лес понял.

И запомнил.

Так шли годы.

Пять. Шесть. Семь.

Мальчик рос. Становился выше. Сильнее. Ловчее.

Его тело было странным сочетанием человека и зверя. Кожа — человеческая, но покрытая шрамами и загаром. Мышцы — как у волка, стальные, быстрые. Глаза — человеческие, но с золотистым отблеском, как у хищника.

Он не знал, кто он.

Думал, что волк. Ну, особенный волк. Без шерсти. С руками. С голосом, который может петь.

Но иногда... иногда он чувствовал что-то странное.

Когда смотрел на своё отражение в ручье, он видел не волка. Что-то другое. Что-то, чего он не понимал.

Когда он слышал отдалённые звуки — выстрелы, крики, голоса — его сердце билось чаще. Не от страха. От... узнавания?

Но он отгонял эти мысли.

Он был волком. Лес был его домом. Быстрая — его матерью. Волчата — его братьями. Лиса — его наставницей.

Что ещё нужно?

Но лес готовил ему испытание.

Первое настоящее испытание.

Когда мальчику исполнилось восемь лет, в лес пришли люди.

Не охотники. Не лесорубы.

Странники.

Трое мужчин, оборванных, голодных, с пустыми глазами. Они брели через лес, не зная дороги. Ища... что? Спасение? Смерть? Забвение?

Мальчик увидел их издалека. Спрятался на дереве, наблюдал.

Люди выглядели жалко. Их одежда была в лохмотьях. Лица — в грязи. Они спотыкались, падали, поднимались снова.

Один из них упал. Не поднялся.

Двое других остановились. Посмотрели на него. И пошли дальше.

Оставили.

Мальчик не понял этого.

В лесу так не делают. В лесу стая не оставляет раненых. Волчица не бросает щенков. Лиса не покидает лисят.

Почему люди так поступают?

Он спустился с дерева. Подошёл к упавшему человеку.

Тот был жив. Дышал. Слабо, но дышал.

Мальчик понюхал его. Человек пах страхом. Болью. Отчаянием.

И... чем-то ещё.

Чем-то знакомым.

Мальчик наклонился. Прикоснулся к лицу человека.

И человек открыл глаза.

Увидел мальчика.

И закричал.

Не от боли. От ужаса.

— Демон! — прохрипел он. — Дикое существо!

И попытался отползти.

Мальчик отпрянул. Не понял. Почему человек кричит? Он же хотел помочь.

Но человек продолжал кричать. Звать на помощь. Проклинать.

Из кустов вышли двое других. Увидели мальчика.

И тоже закричали.

— Волк! Огромный волк!

— Он убил нашего товарища!

— Убьём его!

Они подняли камни. Палки.

Мальчик не стал ждать.

Он убежал.

Быстро, как только мог. Вглубь леса. Под защиту деревьев.

Остался только один вопрос, который жёг его разум.

Почему?

Почему люди, которые выглядели такими жалкими, такими слабыми, так испугались его?

Почему они не приняли его помощь?

Почему они называли его демоном?

Он не знал ответа.

Но лес знал.

И лес шептал ему на ухо, когда он, дрожа, прятался в пещере.

«Ты — не один из них. Ты — сын леса. И они боятся тебя. Потому что ты свободен. А они — рабы. Рабы своего страха. Своей жестокости. Своего незнания.»

Мальчик не понял всех слов. Но понял смысл.

Он — другой.

И всегда будет другим.

В ту ночь Быстрая нашла его в пещере.

Она не спрашивала. Просто легла рядом. Прижала к себе.

Как мать.

Мальчик заплакал.

Впервые за восемь лет.

Он плакал не от боли. Не от страха.

От одиночества.

От понимания, что он никогда не будет таким, как другие.

Что он — между мирами.

Не волк. Не человек.

Что-то третье.

Быстрая лизнула его в лоб.

И мальчик уснул.

А лес пел ему колыбельную.

Тихую. Грустную. Мудрую.

«Ты не один. Ты никогда не был один. Лес с тобой. Звери с тобой. И однажды... однажды ты поймёшь, зачем.»

Мальчик не слышал слов.

Но чувствовал смысл.

И это давало ему силы.

Жить.

Дышать.

Быть.

— —

Продолжение следует...

Дорогой читатель! Если эта история тронула ваше сердце, если вы чувствуете, как лес говорит с вами через эти строки — пожалуйста, поделитесь ею с теми, кто нуждается в надежде. Оставьте отзыв, расскажите друзьям. Каждая ваша поддержка помогает этой истории найти тех, кому она предназначена судьбой. Спасибо, что читаете. Спасибо, что верите в силу добра.

ГЛАВА 3

Лес менял свои одежды, готовясь к долгому сну.

Зелень уходила, уступая место багрянцу, золоту и глубокой, почти черной меди. Воздух стал прозрачным и холодным, пахнувшим прелыми листьями, влажной корой и дымком далеких костров. Каждое утро земля покрывалась тонким слоем инея, который таял, лишь когда солнце поднималось высоко, пробиваясь сквозь густые кроны вековых дубов.

Мальчику исполнилось двенадцать лет.

Он не знал этого точно. В лесу не считают годы по свечам на пироге или по записям в календаре. Время здесь измерялось иначе: сменой сезонов, миграцией птиц, толщиной колец на пнях, линькой шерсти у зверей. Но он чувствовал, что стал старше. Его тело вытянулось, мышцы налились силой, движения стали плавными и бесшумными. Кожа, привыкшая к ветру и солнцу, приобрела темный, ровный оттенок, а волосы, длинные и спутанные, цвета воронова крыла, падали на плечи, когда он бежал.

Он был прекрасен в своей дикой, первобытной красоте. Но в его глазах, золотисто-карих, как у осеннего леса, уже не было детской беззаботности. В них поселилась мысль.

Мысль — это то, что отличало его от волчат, даже от самой Быстрой, которая теперь была старой и мудрой волчицей. Волки жили инстинктом и моментом. Мальчик жил прошлым, настоящим и будущим. Он мог сидеть у ручья часами, глядя на воду, и думать о том, куда она течет. Он мог смотреть на звезды и чувствовать тоску по чему-то, чего он никогда не видел, но что жило в его крови.

В этот день стая вышла на охоту рано.

Осень — время изобилия, но и время тревоги. Звери готовились к зиме, и конкуренция за пищу обострялась. Быстрая вела их к северным склонам, где в низинах паслись олени. Мальчик бежал рядом с ней, чуть позади, занимая место, которое в стае принадлежало только второму по силе. Волки приняли это как должное. Он был не просто приемным сыном. Он был их умом.

Охота началась с тишины.

Мальчик знал этот ритуал. Он сливался с тенями папоротника, его дыхание становилось поверхностным, сердцебиение замедлялось. Он чувствовал запах оленей задолго до того, как их увидел. Это был сложный аромат: мускус, влажная шерсть, страх и трава.

Быстрая подала знак — легкое движение хвоста, едва заметный поворот уха. Стая рассыпалась, занимая позиции. Мальчик понял свой маневр. Ему не нужно было гнать добычу. Его задача была другой. Он должен был отрезать путь к отступлению, загнать стадо в нужном направлении, туда, где их ждали волки.

Он пополз. Живот прижимался к холодной земле, локти и колени находили каждую неровность, каждую кочку, чтобы не издать ни звука. Ветер дул ему в спину, унося его запах. Он был невидим. Он был лесом.

Когда олени почуяли неладное и рванули с места, мальчик уже был там. Он выскочил из кустов не с рычанием, а с резким, пронзительным криком — звуком, который не был ни волчьим воем, ни человеческим воплем. Это был звук, который он изобрел сам, звук, который леденил кровь и сбивал с толку.

Олени шарахнулись в сторону, прямо в засаду.

Раздался топот, хруст веток, тяжелое дыхание. Стая работала как единый механизм. Мальчик не участвовал в финальном броске. Он стоял на холме, глядя, как Быстрая и молодые волки валят старого оленя. Он не чувствовал радости от смерти. Он чувствовал благоговение перед круговоротом жизни. Олень умрет, чтобы стая жила. Это было справедливо. Это было правильно.

Когда трапеза закончилась, мальчик отошел в сторону. Он не ел первым, хотя имел на это право. Он ждал, пока насытятся волчата и старые волки. Быстрая, лежащая рядом с ним, лизнула его в щеку, оставляя на коже следы крови. Это был знак высшей похвалы.

Но день был испорчен.

Это произошло, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в цвета спелой вишни. Мальчик бродил по опушке, собирая поздние ягоды и лекарственные травы, которым его научила старая лиса (Рыжая давно ушла в мир духов, но ее знания жили в нем).

Вдруг он остановился.

Нос уловил запах. Резкий, химический, чужеродный. Порох. Ржавое железо. Человеческий пот. И... кровь. Свежую, горячую кровь.

Сердце мальчика сжалось. Он не побежал сразу. Он заставил себя замереть, стать частью дерева, к которому прислонился. Он слушал. Лес молчал. Это было самое страшное. Птицы не пели. Белки не прыгали. Даже ветер, казалось, боялся шелестеть листвой. Лес затаил дыхание, потому что в него вошло Зло.

Мальчик пополз к источнику запаха. Он двигался медленно, проверяя каждый шаг. Через сотню шагов он увидел их.

Это были не те жалкие бродяги, которых он встречал в детстве. Это были профессионалы. Трое мужчин в камуфляже, с тяжелыми ружьями, с ножами на поясах. Они смеялись. Грубо, пьяно, жестоко.

А у их ног лежал волк.

Мальчик узнал его. Это был Ветер, молодой, быстрый волк из соседней стаи, с которым они иногда пересекались на границах территорий. Ветер был хорош. Он был сильным. Но сейчас он лежал на боку, его задняя лапа была страшно изуродована железным капканом. Зубцы впились в кость. Кровь черной лужей растеклась по опавшим листьям.

— Гляди, какой красавец, — сказал один из мужчин, пнув волка тяжелым ботинком. Ветер слабо зарычал, пытаясь подняться, но капкан держал его намертво. — Шкура будет знатная. В городе за такую цену дадут.

— Добивай, — лениво сказал второй, закуривая сигарету. Дым пополз в сторону мальчика, и тот едва сдержал кашель. — Некогда возиться.

Третий мужчина, высокий, с шрамом на щеке, поднял ружье. Прицелился в голову волка.

В этот момент в мальчике что-то оборвалось.

Это не был гнев. Гнев — это горячая, слепая эмоция. То, что почувствовал мальчик, было холодным, тяжелым и абсолютным. Это было понимание. Понимание того, что люди могут быть страшнее любого хищника. Хищник убивает, чтобы жить. Человек убивает ради забавы, ради наживы, ради власти.

Мальчик не стал кричать. Не стал бросаться на них с голыми руками. Он был сыном волчицы, но он был и человеком. И у него был разум.

Он бесшумно отполз назад. Его мозг работал быстрее, чем когда-либо. Он знал этот лес каждый куст, каждую яму, каждый камень. Он знал, где проходит тропа. Он знал, где находится старое, заброшенное жилье лесника, которое местные обходили стороной, считая его проклятым.

У него был план.

Мальчик вернулся к стае. Быстрая сразу почувствовала его состояние. Она подняла голову, ее уши напряглись. Мальчик не стал выть. Он подошел к ней и положил руку на ее шею. Он передал ей не запах, не звук, а взгляд. Взгляд, в котором была мольба и приказ одновременно.

Быстрая поняла. Она собрала стаю. Не для охоты. Для войны. Но мальчик остановил их. Он показал им, что нужно делать. Он нарисовал на земле палкой схему. Волки не понимали чертежей, но они понимали интонации, жесты и запахи. Они поняли, что их вожак требует не убивать, а пугать.

Мальчик отправился к жилищу лесника. Он нашел то, что искал: старые, ржавые бидоны из-под керосина, сухую ветошь, и, самое главное, огромный медный таз, в котором когда-то кипятили белье.

Он собрал все это и потащил к тропе, по которой должны были идти браконьеры, таща тушу волка.

Солнце село. Наступила ночь. Луна, полная и яркая, поднялась над лесом, превращая поляны в серебристые озера.

Браконьеры шли, тяжело дыша, таща волка за задние лапы. Они ругались, спотыкались о корни.

— Скорее бы, — ныл один. — Устал тащить эту тушу.

— Терпи, — огрызнулся лидер со шрамом. — Деньги не пахнут.

Они вышли на поляну, где стоял тот самый медный таз. Мальчик спрятался в густом кустарнике, его сердце билось ровно и спокойно. Он ждал.

Когда мужчины подошли к тазу, мальчик чиркнул спичкой (он научился добывать огонь, наблюдая за людьми, и всегда носил с собой коробок, найденный у старого костра). Он поджег ветошь, смоченную в керосине, и бросил ее в таз, где лежали старые, промасленные тряпки и сухие ветки.

Вспыхнуло яркое, высокое пламя.

Мужчины вздрогнули, отступили.

— Что это? Костер? Здесь кто-то есть? — прошептал один, хватаясь за ружье.

Но это был не просто костер. Мальчик бросил в огонь горсть пороха, который он аккуратно высыпал из патронов, найденных ранее.

Раздался громкий, оглушительный хлопок, похожий на выстрел из пушки. Эхо разнеслось по всему лесу, многократно отражаясь от деревьев.

Мужчины упали на землю, закрывая головы.

И в этот момент лес ожил.

По сигналу мальчика, который издал резкий, отрывистый свист, стая волков начала выть. Но они были не просто так. Они двигались по кругу, меняя позиции, создавая иллюзию огромного, бесконечного количества волков. Звук шел отовсюду: слева, справа, сзади, спереди. Казалось, что весь лес кишит хищниками.

А мальчик? Мальчик взял две пустые железные банки, связанные веревкой, и начал бить в них палкой, издавая ритмичный, страшный грохот, одновременно издавая горлом тот самый нечеловеческий крик, который он изобрел в детстве.

Он бежал по краю поляны, мелькая в свете луны и огня. Для перепуганных мужчин он выглядел как демон: огромное, волосатое существо с горящими глазами, издающее адские звуки, повелевающее армией волков.

— Дьявол! — закричал один из браконьеров, роняя ружье. — Это леший! Это дух леса!

— Стреляй! — орал лидер, но его руки дрожали так сильно, что он не мог прицелиться. Он выстрелил в воздух, потом еще раз.

Но волки не нападали. Они только выли и рычали из темноты, не показываясь на свет. Мальчик знал: если они нападут, люди начнут стрелять на поражение. Его задача была не убить их, а сломать их волю.

Еще один хлопок пороха в тазу. Еще один адский крик мальчика. Еще один круговых вой стаи.

Мужчины не выдержали.

— Бежим! — заорал лидер, бросая тушу волка. — Бросай все! Бежим!

Они поднялись и побежали. Спотыкаясь, падая, теряя шапки и ружья, они бежали в темноту, гонимые первобытным, животным ужасом. Они бежали до тех пор, пока не выбрались из леса, и, по слухам, потом еще долго рассказывали в деревнях о проклятом лесе, где живет дух с горящими глазами.

Мальчик остановился. Перестал кричать. Свистнул.

Вой стих. Волки вышли из кустов, тихо, по одному, подходя к своему вожаку. Быстрая подошла первой. Она посмотрела на мальчика, потом на брошенное ружье, потом на волка, лежащего у капкана.

Мальчик подошел к Ветру. Волк был жив, но очень слаб. Мальчик опустился на колени. Его руки, привыкшие рвать добычу и лазить по деревьям, теперь действовали с невероятной нежностью. Он знал, как открыть капкан. Он видел, как это делали люди. Он нашел пружину, нажал на нее всем своим весом. Железо разжалось.

Ветер завыл от боли, когда лапа освободилась. Мальчик быстро, используя листья подорожника и паутину, которые он жевал, чтобы сделать кровеостанавливающую кашицу, перевязал рану.

— Тшшшш, — шептал он, глядя волка по голове. — Тихо. Ты жив. Ты будешь жить.

Волк лизнул его в руку. Слабо, но с бесконечной благодарностью.

Мальчик поднялся. Он посмотрел на огонь, который догорал в тазу. Он посмотрел на волков, которые сидели вокруг, глядя на него с безоговорочным преданием.

В эту ночь он понял главную истину.

Сила — это не острые зубы и не быстрые ноги. Сила — это разум, направленный на защиту. Сила — это способность остановить зло, не становясь злом. Он мог бы убить тех людей. Стая могла бы разорвать их. Но он выбрал другой путь. Он выбрал путь, который оставил его человеком в душе, даже если его тело было покрыто грязью и шрамами.

Быстрая подошла и положила свою тяжелую голову ему на колено. Мальчик обнял ее за шею, уткнувшись лицом в теплую шерсть.

— Мы в порядке, мать, — прошептал он на языке, который понимали только они двое. — Лес в порядке.

Ветер смог встать. Опираясь на мальчика, он медленно пошел за стаей. Они возвращались домой.

Луна светила им, освещая путь. Лес снова дышал. Птицы, которые молчали всю ночь, начали тихо щебетать, приветствуя рассвет. Зло ушло. Добро осталось.

И мальчик, сын женщины, воспитанный волчицей, шел впереди стаи, зная, что его миссия только начинается. Он был мостом между двумя мирами. И он должен был убедиться, что этот мост не рухнет.

— —
Продолжение следует...

Глава 4

Лес хранит свои самые глубокие тайны не в темных пещерах и не в густых чащах. Он хранит их в тишине. В той особенной, звенящей тишине, которая наступает на рассвете, когда ночь уже ушла, но день еще не вступил в свои права. В это время мир замирает, прислушиваясь к собственному сердцу.

Именно в такое утро мальчик отправился к Зеркальному озеру.

Он знал об этом месте с раннего детства, хотя ни одна волчица, ни одна лиса никогда не водила его туда. Звери инстинктивно обходили эту поляну стороной. Не из страха. Из благоговения. В лесу есть места, которые принадлежат не зверям и не людям, а самому времени. Зеркальное озеро было именно таким.

Мальчик шел медленно. Его босые ноги, привыкшие к острым камням и колючим веткам, теперь ступали по мягкому мху почти бесшумно. Ему исполнилось тринадцать лет. Его тело изменилось. Оно вытянулось, стало угловатым, сильным, но в то же время каким-то непропорциональным по сравнению с гладкими, обтекаемыми формами волков. Он чувствовал эту непропорциональность кожей, мышцами, каждым движением.

Воздух вокруг озера был другим. Он был гуще, прохладнее, пахнувший не хвоей и прелой листвой, а чем-то древним, каменным, почти вечным. Деревья здесь росли не так, как в остальном лесу. Их стволы были толстыми, узловатыми, покрытыми серебристым лишайником. Ветви сплетались высоко над водой, создавая естественный купол, который пропускал свет лишь тонкими, золотистыми лучами.

Мальчик вышел на берег.

Вода была абсолютно неподвижной. Ни ряби, ни всплеска. Она лежала как кусок темного, полированного стекла, в котором отражалось небо, верхушки сосен и его собственная фигура.

Он подошел к кромке воды и опустился на колени.

Впервые в жизни он увидел себя по-настоящему.

Раньше он видел лишь мельком свое отражение в быстрых ручьях, где вода искажала черты, делая их размытыми и неузнаваемыми. Но здесь, в идеальной глади озера, правда была беспощадной и ясной.

Он смотрел на существо в воде, и существо смотрело на него.

У него не было морды. Вместо нее было лицо. Плоское, с прямым носом, с губами, которые могли складываться в улыбку или сжиматься в тонкую линию. Его глаза были большими, глубоко посаженными, цвета янтаря, окруженными густыми, темными бровями. Его волосы, длинные и спутанные, падали на плечи, но они не были шерстью. Это были волосы.

Мальчик медленно поднял руку. Существо в воде подняло руку. У него не было лап с острыми когтями. У него были пальцы. Длинные, гибкие, с короткими, плоскими ногтями. Он повернул руку, рассматривая ладонь с ее сложным узором линий.

Волки не смотрят на свои ладони. Им нечего там искать.

Но мальчик смотрел. И чем дольше он смотрел, тем сильнее внутри него поднималась холодная, липкая волна ужаса.

Он был чужим.

Он посмотрел на свои ноги. Они были длинными, с выступающими коленями и плоскими ступнями. Он попытался встать на четвереньки, чтобы сравнить себя с силуэтом волка, который он знал наизусть. Но его спина не сгибалась так, как у зверя. Его шея была слишком короткой, его голова слишком тяжелой. Он выглядел нелепо. Смешно. Страшно.

— Кто ты? — прошептал он.

Его голос прозвучал в тишине странно. Не как рык, не как вой. Как-то иначе. Мягко. Сложно.

Он коснулся своего лица. Кожа была гладкой, теплой. Он потянул себя за ухо. Оно было маленьким, прижатым к голове, неспособным поворачиваться, улавливая каждый шорох.

В его голове вспыхнули воспоминания. Те трое людей в лесу. Их крики. «Демон! Дикое существо!» Они испугались его. Но теперь, глядя на себя, он понимал: они испугались не потому, что он был зверем. Они испугались, потому что он был похож на них. Но не совсем. Он был дикой, искаженной версией их самих.

Он был уродцем.

Мальчик отпрянул от воды. Он схватил пригоршни влажной, темной грязи со дна и начал яростно втирать ее в свое лицо, в свою грудь, в свои руки. Он рвал листья папоротника, ломал сухие ветки, пытаясь создать себе подобие шерсти, подобие морды. Он мазал себя глиной, пока не стал похож на лесное чудище, на часть земли, на что угодно, только не на то гладкое, беззащитное существо, которое смотрело на него из воды.

Он сел на корточки, пытаясь сжаться, стать меньше, незаметнее. Он закрыл лицо руками и завыл.

Это был не волчий вой. Волчий вой — это песня, это связь, это эхо, уходящее в небо. Его вой был рваным, задыхающимся, полным боли и отчаяния. Это был плач. Плач существа, которое потеряло свой дом, даже не зная, где этот дом находится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.